

В. П. АЛЕКСЕЕВ

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ЛАТЫШЕЙ

Краниологический материал по населению западных районов Латвийской ССР, описанный в специальной публикации¹, невелик и недостаточно ясно этнически определен. Принадлежность всей серии латышам не вызывает сомнений, но в ее состав мог войти материал, относящийся частично к населению центральных районов Латвийской ССР. Иными словами, она может характеризовать краниологические особенности не только потомков куршей, но в какой-то мере и земгалов. С другой стороны, племена, на базе которых сформировался современный латышский народ, антропологически были чрезвычайно близки, и различия между ними, а также между их современными потомками могут быть выявлены и охарактеризованы с достаточной определенностью лишь на основе изучения многочисленных серий.

В 1962 г. Институт этнографии АН СССР и Лиепайский краеведческий музей организовали совместные раскопки позднего могильника на территории западной Латвии с целью получения краниологического материала по западным группам латышей — очевидно, непосредственным потомкам средневековых куршей. Могильник был выбран по консультации с научным сотрудником Лиепайского краеведческого музея П. Степеньшом, который и возглавил затем археологическую работу на могильнике и вел археологическую документацию².

Могильник находится в 3 км северо-восточнее с. Дурбе, расположенного в 30 км от Лиепай по дороге на Ригу. До раскопок могильник представлял собою холм высотой 2—2,5 м. По рассказам лиц старшего поколения на могильнике еще 15—20 лет назад были заметны остатки деревянных крестов. Это обстоятельство позволяет определить время, когда перестали хоронить на этом кладбище. Трудно представить себе, что деревянные кресты сохранились на протяжении 100 лет или более. Поэтому середину прошлого века приходится считать тем временем, когда на кладбище прекратились систематические захоронения. Отдельные захоронения, возможно, производились и позже. Таким образом, очевидно, что часть краниологического материала из могильника принадлежит людям, умершим, во всяком случае, не раньше первой половины XIX в.

Ранняя дата могильника определяется монетами, найденными в процессе раскопок. Они относятся к XVII—XVIII вв. Часть монет обнару-

¹ В. Алексеев, Историческое значение антропологических различий между населением западных и восточных районов Латвийской ССР, «Изв. АН Латвийской ССР», 1963, № 10.

² В раскопках принимала также участие научный сотрудник Лиепайского краеведческого музея Д. Скуиня. Автор искренне признателен П. Степеньшу и Д. Скуине за консультации и помощь.

жена не на костях, а в засыпке могил. Это оказалось возможным потому, что холм представлял собой чрезвычайно удобное место для погребений (вокруг него находится сильно и, по-видимому, довольно давно заболоченное пространство) и поэтому использовался очень интенсивно. Это приводило к разрушению старых, потерявших внешние ориентиры погребений, когда копали новые могильные ямы. Естественно, что часть костей из этих старых погребений, а также находящиеся в них монеты попадали в засыпку. Из числа более чем 100 добытых на могильнике черепов более двух третей выкопаны из засыпки и были разбросаны совершенно беспорядочно (могильник копался траншеями), и только менее 30 черепов происходят из погребений. В целом, следовательно, функционирование могильника охватывает период времени минимум в два с половиной столетия.

Костяки из потревоженных погребений лежали на глубине 1,0—1,4 м головой на северо-восток. Костяки были средней сохранности, тазовые кости были обнаружены в подавляющем большинстве потревоженных погребений. По ним, в совокупности с морфологическими особенностями длинных костей, и определялся пол. В остальных случаях, т. е. по отношению к материалу из засыпки, пол определялся по краниологическим признакам. Это следует иметь в виду при оценке степени надежности определений пола, хотя в целом половой диморфизм выражен в серии хорошо и количество спорных случаев невелико, а следовательно, невелико, по-видимому, и число возможных ошибок.

I

Морфологический тип черепов из могильника у Дурбе удобнее всего характеризовать в сравнении с близкими этнически и территориально сериями. Наиболее близкая из них — серия черепов из могильника под Лудзой, также датируемая приблизительно XVIII веком и оставленная потомками средневековых латгалов³. Сопоставление этих двух серий позволит уловить территориальные вариации в краниологическом типе латышей, если, конечно, они имеются.

Череп из-под Дурбе имеет длинную, средней ширины и высоты черепную коробку (табл. 1). По черепному указателю она относится к категории мезокранных. Лобная кость и абсолютно и по указателям характеризуется средней шириной. Наклон ее скорее значительный. Но при относительно наклонном лбе череп западных латышей не отличаются сильно развитым надбровьем — надглабеллярная область выступает умеренно, а надбровные дуги характеризуются незначительной протяженностью в поперечном направлении.

Лицевой скелет невелик, особенно по высоте. Орбиты скорее низкие, а грушевидное отверстие узкое. Высота средняя, поэтому носовой указатель малый. Вертикальная профилировка лицевого профиля — ортогнатная, что выявляется как по соотношению длины основания лица и длины основания черепа, так и по углу лицевого профиля. Наряду с этим углы горизонтальной профилировки отличаются малыми величинами. Таким образом, в горизонтальной плоскости лицевой скелет профилирован резко как в верхней, так и в нижней части.

Последняя особенность хорошо согласуется с очень сильным выступанием носовых костей, так как эти признаки хотя и не связаны между собой тесной функциональной корреляцией, но обнаруживают значи-

³ В. П. Алексеев, Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей, «Сов. этнография», 1961, № 6.

тельную историческую связь, и в их межгрупповых вариациях заметен параллелизм, во всяком случае на территории Советского Союза⁴. При сильном выступании носовых костей переносье, естественно, также имеет большую высоту. Таким образом, подытоживая морфологическую характеристику черепов из-под Дурбе, следует подчеркнуть, что все признаки, типичные для европеоидной расы, здесь чрезвычайно сильно выражены,

Таблица 1

Средние размеры исследованных черепов

Параметры	♂		♀	
	n	x	n	x
1. Продольный диаметр	59	184,6	44	177,3
8. Поперечный диаметр	58	144,1	50	137,6
8:1. Черепной указатель	58	78,2	43	77,8
17. Высотный диаметр от базиса	47	132,6	30	126,8
5. Длина основания черепа	46	101,1	28	96,2
9. Наименьшая ширина лба	60	99,4	51	94,9
32. Угол лба (<i>na-me</i>)	45	80,3	35	83,1
Надбровье (1—6 по Мартину)	61	2,61	51	1,61
40. Длина основания лица	38	96,6	21	93,3
45. Скуловая ширина	47	133,5	42	123,7
48. Верхняя высота лица	47	69,4	40	66,1
51. Ширина орбиты от <i>mf</i> (лев.)	48	42,6	43	40,9
52. Высота орбиты (лев.)	51	33,9	43	32,6
54. Ширина носа	44	25,2	39	24,0
55. Высота носа	47	51,7	41	48,8
Нижний край грушевидного отверстия (% антропических форм)	46	58,7	41	65,9
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	44	4,8	41	5,0
DC. Дакриальная хорда	32	23,3	29	19,1
DS. Дакриальная высота	32	13,6	29	12,8
DS:DC. Дакриальный указатель	32	58,6	29	61,7
SC. Симотическая хорда	37	10,5	34	9,8
SS. Симотическая высота	37	4,9	34	4,3
SS:SC. Симотический указатель	37	47,6	34	44,3
72. Угол профиля лица общий	40	86,0	27	84,7
75(1) Угол носовых костей к линии профиля	33	31,7	23	27,3
77. Назомаллярный угол	52	139,5	42	138,4
Зигомаксиллярный угол	36	126,9	34	127,6

а вся серия показывает единство и гомогенность в проявлении европеоидных черт.

От черепов восточных латышей исследуемые черепа отличаются большей длиной и соответственно меньшим черепным указателем. Черепная коробочка в западной серии ниже, чем в восточной. По длине основания черепа различия практически отсутствуют. Лобная кость несколько шире в западной серии, но угол наклона лба здесь заметно больше, чем в восточной группе. При таком соотношении следовало бы ожидать у западных латышей более сильного развития надбровья, чем у восточных. На самом деле при более прямой лобной кости восточная серия имеет и более развитое надбровье. Лицевой скелет в западной серии чуть-чуть уже и ниже, чем у восточных латышей, по ширине носа различия незаметны. Орбитные размеры практически совпадают в обеих сериях. Та-

⁴ Об этом см.: Г. Ф. Дебец, О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики, «Сов. этнография», 1961, № 6.

ким образом, видно, что по всем основным соотношениям мозговой коробки и лицевого скелета обе серии очень близки, что в общем и следовало ожидать, исходя из соматологических данных⁵. Практически ощутимые различия можно отметить только в черепном указателе и ширине, а может быть еще и высоте лица, причем они идут параллельно — в серии из западных районов все перечисленные измерения меньше. Но и по этим признакам единство типа латышей налицо — различия значительно меньше, чем обычно между резко разграничивающимися типами.

Иначе обстоит дело в отношении признаков, определяющих горизонтальную профилировку лица и выступание носа. В западной серии, по сравнению с восточной, меньше углы горизонтальной профилировки, больше угол носа к линии лицевого профиля, дакриальная и симотическая высоты, дакриальный и симотический указатели. Абсолютно различия по каждому признаку очень малы, но они складываются в определенный комплекс. По всему комплексу этих признаков, не связанных или слабо связанных морфофизиологически (особенно малы коэффициенты корреляции между углами горизонтальной профилировки и размерами, отражающими выступание носа), наблюдается такое направление различий, которое соответствует направлению исторической дифференциации антропологических типов на территории СССР по этим признакам, а рассматривая шире — вообще исторической дифференциации монголоидов и европеоидов. Поэтому в отличие от некоторой разницы в мозговых и лицевых размерах, которую мы оставили без внимания, данному комплексу различий нельзя не придать генетического значения. Свое генетическое истолкование этот комплекс получил в увязке морфологического типа западных латышей с древним европеоидным населением культуры боевых топоров и шнуровой керамики, в котором многие исследователи видят древних балтов⁶. Антропологически восточные латыши сопоставлялись с тем же населением, но с включением в его состав монголоидных элементов восточного происхождения⁷. Этот тип был характерен для населения культуры ямочно-гребенчатой керамики. Попутно были отмечены и трудности, с которыми сталкивается противоположная гипотеза, которая основывается на отрицании последнего факта⁸.

⁵ Публикацию и анализ обширных соматологических данных по населению Латвии см.: М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология Восточной Прибалтики, «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. II, М., 1959. Почти параллельно с появлением этой книги были опубликованы материалы Р. Я. Денисовой, преимущественно по восточным латышам: Р. Я. Денисова, К вопросу об антропологическом составе восточных латышей и восточных литовцев, «Изв. АН Латвийской ССР», 1958, № 2; е е же, Piczimes par latviešu antropologisko tipu Gulbenes rajona, «Archeologija un etnografija», t. IV, Riga, 1962.

⁶ Последнюю публикацию на эту тему см.: П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Оки, сб. «История, фольклор и искусство славянских народов. (Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов)», М., 1963.

⁷ См. работы, указанные в примечаниях 1 и 3. Применительно ко всему комплексу сведений об антропологическом составе латышей и истории его формирования, эта гипотеза была аргументирована впервые, кажется, Н. Н. Чебоксаровым. См.: Н. Н. Чебоксаров, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики в свете данных этнографии и антропологии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XII, 1950.

⁸ В. П. Якимов, Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXII, М., 1956. Тезисы этой работы были опубликованы на год раньше: В. П. Якимов, Вопросы первичного заселения Прибалтики по данным археологии и палеоантропологии. Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция этнографии и антропологии), М., 1955.

II

Итак, сравнение двух серий, датируемых приблизительно XVIII в. и происходящих из западных и восточных районов Латвийской ССР, подтвердило тот комплекс и то направление различий, которые были отмечены при сопоставлении серии XVIII в. из восточных районов и серии из западных и, возможно, центральных районов, относящейся к более позднему времени. Последняя была немногочисленна, и подтверждение установленной разницы на новом гораздо более обширном и синхронном материале дает возможность настаивать на ней уже с полной определенностью.

Каковы те палеоантропологические материалы, которые позволили бы нарисовать картину истории антропологического состава населения Латвии от неолита до современности? Если говорить о Восточной Прибалтике в целом, то эта задача выполняется книгой М. В. Витова, К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксарова, на которую мы уже ссылались. Но нас интересует гораздо более узкая территория собственно Латвии и возможности перекинуть мост от палеоантропологических данных к современности, от древнего населения Латвии к его потомкам. Наиболее ранний материал такого рода был опубликован Р. Я. Денисовой из могильника Крейчи⁹.

Могильник дал интереснейший и очень богатый археологический материал, с несомненностью свидетельствующий о его принадлежности к кругу памятников культуры ямочно-гребенчатой керамики¹⁰. К сожалению, представлен он всего тремя черепами, подвергшимися к тому же из-за плохой сохранности значительной реставрации. Один из этих черепов несомненно европеоидный, длинноголовый, довольно массивный. Два других отличаются более высоким черепным указателем, уплощенным лицом, уплощенным носом. Автор публикации относит их к различным типам и связывает первый с европеоидным населением, представлявшим культуру боевых топоров и шнуровой керамики, два последних — с тем смешанным населением, включавшим в своей состав небольшую монголоидную примесь, которое было характерно для культуры ямочно-гребенчатой керамики. Тот факт, что различия не очень большие даже в важных признаках на трех черепах, конечно, не был бы достаточным для столького ответственного вывода, но реальность его получала подтверждение в аналогичных различиях на территории Эстонии, Литвы, северных районов РСФСР¹¹. Таким образом, очевидно, можно утверждать, что на территории Латвии в неолитическое время уже обитало население, относившееся к двум антропологическим вариантам, выделенным в составе современных латышей.

Дальше, к сожалению, в материалах по палеоантропологии Латвии имеется обширная лакуна, которая пока не может быть заполнена, несмотря на большой размах археологических исследований, проводимых в настоящее время. Речь идет об эпохе бронзы и первых этапах эпохи

⁹ Р. Я. Денисова, Палеоантропологический материал из неолитического могильника Крейчи, «Сов. этнография», 1960, № 3.

¹⁰ Он хранится в краеведческом музее г. Лудзы.

¹¹ Публикацию и рассмотрение неолитических материалов с этих территорий см.: Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. IV, М.—Л., 1948; М. С. Акимова, Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы европейской части СССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XVIII, 1953; К. Ю. Марк, Новые данные по палеоантропологии Эстонской ССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXIII, М., 1954; е е же, Новые палеоантропологические данные эпохи неолита в Прибалтике, «Изв. АН Эстонской ССР (серия общественных наук)», 1956, № 1.

Таблица 2

Палеоантропологические и краниологические серии с территории Латвии

Место	Добель- ский район (земгалы)	Лимбаж- ский и Си- гулдасский районы (ливы)	Прейльский, Карсавский, Цесвайский, Гауйский районы (лат- галы)	Лудзенский и Резекненский районы (лат- галы)	Северная Латвия (Пале)	Северная Лат- вия (Ринню- калнс)	Центральная Латвия (земгалы)	Западная Лат- вия (курши)	Восточная Латвия (латгалы)*	Западная Латвия (курши)
Датировка	V—VII вв.	XI в.	X—XII вв.	X—XII вв.	XVII в.	XV—XVII вв.	XVI—XVII вв.	XVII—XVIII вв.	XVIII в.	XIX—XX вв.
1. Продольный диаметр	195,0(10)	185,7(6)	192,5(12)	188,0(58)	182,6(21)	180(26)	190,2(16)	184,6(59)	182,4(46)	184,1(22)
8. Поперечный диаметр	136,6(10)	135,8(5)	140,8(12)	138,3(57)	142,1(21)	141(26)	144,3(16)	144,1(58)	144,1(47)	145,0(22)
8:1. Черепной указатель	70,0(10)	73,5(5)	73,5(12)	73,4(54)	78,0(21)	77,6(26)	76,3(15)	78,2(58)	79,2(46)	78,9(22)
17. Высотный диаметр от ба- зиона	139,7(9)	132,2(5)	137,8(11)	138,2(39)	131,8(21)	—	136,1(16)	132,6(47)	134,3(43)	132,5(20)
5. Длина основания черепа	108,8(8)	—	106,8(9)	105,1(40)	100,3(21)	—	—	101,1(47)	101,9(43)	101,6(22)
9. Наименьшая ширина лба	97,8(10)	97,8(5)	99,1(11)	98,2(53)	97,0(21)	98(26)	102,0(7)	99,4(60)	96,9(46)	97,5(22)
32. Угол лба (<i>na-me</i>)	80,3(9)	—	85,8(5)	81,9(31)	82,5(2)	—	81,5(13)	80,3(45)	84,4(44)	81,2(20)
Надбровье (1—6 по Мартину)	5,50(10)	—	4,70(6)	3,36(60)	2,30(21)	—	4,50(18)	2,61(61)	3,06(47)	2,64(22)
40. Длина основания лица	—	—	100,2(9)	98,1(25)	98,9(12)	—	—	96,6(38)	98,8(42)	100,8(21)
45. Скуловая ширина	132,7(6)	128,3(3)	134,0(4)	136,7(22)	130,6(11)	131(26)	136,5(10)	133,5(47)	133,9(46)	133,9(22)
48. Верхняя высота лица	72,7(7)	71,8(5)	72,3(7)	70,3(27)	66,4(12)	69(26)	71,1(13)	69,4(47)	70,4(45)	72,3(20)
51. Ширина орбиты от <i>mf</i> (лев.)	42,6(8)	—	44,7(10)	42,5(28)	—	—	43,3(13)	42,6(48)	42,0(46)	43,5(21)
52. Высота орбиты (лев.)	31,9(8)	—	34,1(10)	32,9(27)	—	—	32,9(13)	33,0(51)	32,4(46)	33,0(21)
54. Ширина носа	26,2(6)	—	25,9(8)	25,8(25)	—	26(26)	24,6(14)	25,2(44)	24,9(43)	25,5(20)
55. Высота носа	53,3(6)	—	51,9(9)	51,1(29)	—	52(26)	51,8(13)	51,7(47)	51,2(46)	52,2(21)
Нижний край грушевидного отверстия (% антропических форм)	—	—	—	100,0(12)	—	—	—	58,7(46)	86,9(46)	4,8(21)
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	3,8(4)	—	3,0(7)	4,5(17)	4,8(9)	—	4,9(7)	4,8(44)	5,4(45)	4,9(42)
DC. Дакриальная хорда	23,3(3)	—	21,6(11)	22,2(22)	21,3(8)	—	21,3(8)	23,3(32)	21,9(45)	21,8(21)
DS. Дакриальная высота	14,6(3)	—	14,0(11)	12,5(22)	13,1(7)	—	13,1(8)	13,6(32)	12,4(45)	13,1(21)
DS:DC. Дакриальный указатель	64,4(3)	—	66,2(11)	59,8(22)	62,0(7)	—	60,0(8)	58,6(32)	56,8(45)	60,6(22)
SC. Симотическая хорда	9,3(4)	—	10,4(11)	10,0(30)	10,7(9)	—	10,1(8)	10,5(37)	9,5(45)	9,3(22)
SS. Симотическая высота	5,0(4)	—	4,6(11)	4,9(29)	4,5(9)	—	4,7(8)	4,9(37)	4,3(45)	4,8(22)
SS:SC. Симотический указатель	56,0(4)	—	45,7(11)	48,6(29)	42,8(9)	—	46,5(8)	47,6(37)	46,0(45)	51,4(22)
72. Угол профиля лица общий	84,0(3)	—	85,8(5)	84,1(21)	82,7(6)	85(26)	82,6(12)	86,0(40)	84,9(40)	83,4(20)
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	32,0(4)	—	33,9(8)	31,7(21)	29,7(6)	—	33,1(8)	31,7(33)	30,4(41)	31,0(20)
77. Назомалярный угол	140,8(5)	—	136,6(12)	137,7(29)	136,3(10)	—	140,3(8)	139,5(52)	140,9(46)	138,1(21)
Зигмаксиллярный угол	120,0(2)	—	124,4(3)	123,0(20)	126,8(5)	—	128,4(7)	129,9(36)	127,1(42)	123,5(21)

* Некоторое отклонение в вариациях отдельных признаков от средних, опубликованных в статье об антропологических различиях между западными и восточными районами, объясняется исправлением случайно вкравшихся вычислительных ошибок.

железа. Основную роль в разрушении палеоантропологических материалов этого времени сыграл обычай трупосожжения, широко распространенный в Латвии и Литве. После длительного перерыва, начиная с неолитического времени, мы получаем первые серии лишь переходя к середине первого тысячелетия н. э. Для иллюстрации вариаций основных признаков данные по ним представлены в таблице 2. В этой же таблице фигурируют и серии более позднего времени, вплоть до эпохи позднего средневековья и современности. Черепа из Добельского района (могильники Оши, Баяс, Шкерстайни, Стури, Лейниеки, датируемые V—VII вв.), а также из Прейлского, Карсавского, Целсвайинского и Гауйенского районов (могильники Кристапени, Мерздене, Кална-Паукши, Яунпиебалга, датируемые X—XII вв.) описаны Я. Лицисом¹². Черепа ливов описаны Р. Вайнбергом¹³. Суммарная серия черепов латгалов составила по Нукшинскому¹⁴, Люцинскому¹⁵, Цибласкому и Рикополескому¹⁶ могильникам. При вычислении средних в нее включены черепа из Циблаского могильника, измеренные автором в музее Института антропологии МГУ. Латгальская серия из могильника Кивти ввиду заметных морфологических отличий от других латгальских серий не включена в подсчет¹⁷. Данные о черепах из Пале взяты из работы И. Приманиса¹⁸, о черепах из Риннюкалнса — из старой работы А. Зоммера¹⁹. Наконец, серия из центральных районов Латвии, датируемая XVI—XVII вв., составила из данных, опубликованных Я. Лицисом в только что отмеченной книге, и данных И. Дайги²⁰. Из книги М. В. Витова, К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксарова взяты многие размеры, отсутствующие в оригинальных публикациях — углы лба, лица и горизонтальной профилировки, симметрические и дакриальные размеры и указатели, определение которых было произведено преимущественно К. Ю. Марк. Женские группы в большинстве случаев малочисленны и данные по ним поэтому не использованы.

Какие выводы можно сделать из рассмотрения материалов таблицы 2? Эти материалы более или менее равномерно охватывают всю территорию Латвии. Разумеется, остается еще много не только хронологических, но и территориальных пробелов, но все же нет сколько-нибудь крупного географического района Латвии, который не был бы представлен хотя бы одной серией. Антропологические особенности населения, составившего все эти серии, очень близки и позволяют говорить о едином типе, отличающемся резкой выраженностью европеоидных призна-

¹² I. Līcis, *Kraniologische Untersuchungen an Schädeln altlettischer Stämme*, Riga, 1939.

¹³ R. Weinberg, *Crania livonica*, «Archiv für die Naturkunde Liv-, Est- und Kurlands», B. XII, Dorpat, 1902.

¹⁴ И. Дайга, Антропологический материал Нукшинского могильника, в кн. «Нукшинский могильник», «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», т. I, Рига, 1957.

¹⁵ В. П. Алексеев, Историческое значение антропологических различий между населением западных и восточных районов Латвийской ССР.

¹⁶ G. Knogge, *Kraniologische Untersuchungen an Schädeln aus Skelettgräbern Letgallens*, «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», B. XXVIII, 1930, H. 3.

¹⁷ Р. Я. Денисова, Новый краниологический материал из могильника латгалов VII—XII вв. и некоторые вопросы этнической антропологии восточных латышей, «Изв. АН Латвийской ССР», 1964, № 2.

¹⁸ I. Primanis, *Pales galvas kausi*, «Latvijas universitātes Raksti», s. XII, Riga, 1925.

¹⁹ A. Sommer, *Der Rinnekalns und seine Bedeutung für die Anthropologie Livlands*, «Archiv für die Naturkunde Liv-, Est- und Kurlands», ser. II, B. IX, Lf. 5, Dorpat, 1884.

²⁰ См.: М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 215—217.

ков и сближающемся с древним населением культуры боевых топоров и шнуровой керамики. Антропологические данные дают все основания видеть в последнем непосредственных предков людей более поздних эпох и вести от них через хронологические этапы, представленные в наших материалах, происхождение современных латышей.

Но где же потомки населения культуры ямочно-гребенчатой керамики? Или оно не оставило потомков, само растворившись в составе более многочисленных и сильных племен культуры шнуровой керамики и боевых топоров? Так можно было бы думать, если бы в нашем распоряжении не было серии из восточной Латвии, относящейся к XVIII в. Мы уже отмечали ее своеобразие в сравнении с синхронной серией из западных районов Латвии. Но это своеобразие (и нужно это особенно подчеркнуть) проявляется при сравнении серии XVIII в. из восточных районов с любой другой известной нам серией с территории западных латышей, в относительно высоких величинах углов горизонтальной профилировки и более низких величинах дакриальных и симотических высот и указателей и угла носовых костей. Пожалуй, только симотический указатель обнаруживает исключение, не выделяясь ни в ту, ни в другую сторону из ряда вариаций в других сериях. Как видим, своеобразие черепов восточных латышей XVIII в. заметно по многим признакам, с помощью которых устанавливается наличие в серии монголоидной примеси, тогда как в других сериях она полностью отсутствует.

Примесь эта не выражается в присутствии нескольких четко выделяющихся монголоидных черепов, которые могли бы рассматриваться как доказательство ее позднего происхождения. Она обнаруживается по небольшому сдвигу средних величин и не деформирует кривых распределения. Это обстоятельство само по себе свидетельствует о ее древнем происхождении и позволяет видеть в латгалах XVIII в., а по-видимому, и современных, потомков населения культуры ямочно-гребенчатой керамики. Такой вывод носит, правда, сугубо предварительный характер, так как в нашем распоряжении нет данных о многих промежуточных этапах расогенеза — антропологическом типе населения эпохи бронзы и раннего железа. Да и палеоантропологические данные об эпохе неолита, как уже отмечалось, весьма фрагментарны. И все же этот вывод, пусть предварительно, может быть высказан, так как морфологические основания для него есть.

Особый вопрос состоит в том, почему комбинация признаков, аналогичная только что отмеченной в серии XVIII в. из восточной Латвии, не фиксируется в серии X—XII вв. из того же района. Казалось бы, латгалы XVIII в. — непосредственные предки средневекового населения. Случайность выбора, которая могла бы привести к случайному подбору индивидуумов с разными признаками, в данном случае исключена, так как обе выборки достаточно многочисленны. Таким образом, разница между сериями X—XII вв. и XVIII в., по-видимому, факт, отражающий реальную действительность и, следовательно, требующий разумного объяснения.

Проще всего предположить, что в орбиту наших знаний случайно попали средневековые могильники, оставленные населением, преимущественно концентрировавшим в своем типе те же особенности, которые были характерны для потомков племен культуры шнуровой керамики и боевых топоров. Ведь их было много больше, чем людей, содержащих в своем антропологическом типе примесь элементов восточного происхождения. Если такое предположение справедливо, то дальнейшие исследования должны открыть могильники, палеоантропологический материал которых окажется тождественным с серией XVIII в. По другому предпо-

ложению, высказанному раньше, различие между средневековым населением и населением XVIII в. не случайно²¹. Оно может быть объяснено при учете археологических данных, рисующих сложную картину взаимодействия собственно балтийских и финских элементов в восточной Латвии в эпоху средневековья. Известная публикация археологических материалов из Нукшинского могильника может служить тому примером²². В рецензии на эту книгу В. В. Седов выделил группу погребений с трупосожжением, которые, по его мнению, относятся к финскому субстрату в составе латгалов²³. При этом следует учитывать, что, с одной стороны, этот субстрат был немногочисленным, а с другой — примесь финских элементов может фиксироваться в составе населения, составившего не только Нукшинский могильник, но и другие средневековые могильники в восточных районах Латвии. Если это так, то монголоидная примесь не фиксируется в средневековом населении, потому что она не доходит до нас в наличных палеоантропологических материалах (обычай трупосожжения, распространенный у финского по происхождению населения, которое как раз, по-видимому, и являлось основным носителем монголоидной примеси).

Последнее утверждение может быть аргументировано палеоантропологическими данными о средневековом населении северных районов РСФСР. Произведенный В. В. Седовым тщательный анализ погребального инвентаря курганов, распространенных в северо-западных землях Великого Новгорода, показал, что среди этих курганов могут быть выделены памятники двух типов: курганы словен новгородских и курганы «чуди» — финского по происхождению населения²⁴. Палеоантропологический материал из этих двух групп курганов также различен — черепа «чудского» населения отличаются уплощенностью лица и носа и имеют небольшую монголоидную примесь²⁵. Аналогичная примесь характерна и для средневекового населения Верхнего и Среднего Поволжья — предков современных восточнофинских народов²⁶. Правда, на западе Латвии финский элемент, по-видимому, не включает монголоидной примеси — пример тому современные ливы²⁷. Но финский компонент этногенеза латгалов, очевидно, ближе к группам прибалтийско-финских народов, а может быть и к восточным финнам в целом, нежели к западным прибалтийско-финским группам.

Р. Я. Денисова убедительно показала наличие монголоидной примеси серии из Кивти. Это обстоятельство приобретает особое значение, так как большинство черепов из Кивти датируется VIII в. Весьма вероятно,

²¹ См.: В. П. Алексеев, Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей.

²² «Нукшинский могильник», «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», т. I, Рига, 1957.

²³ См.: «Сов. археология», 1959, № 1.

²⁴ В. В. Седов, Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.), «Сов. археология», т. XVIII, М., 1953.

²⁵ В. В. Седов, Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XV, 1952.

²⁶ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР; М. С. Акимов, Антропологические данные по происхождению народов Волго-Камья, «Вопросы антропологии», вып. 17, 1961; е е ж е, Антропологические материалы из могильника Мыдлань-шай, «Вопросы археологии Урала», вып. 3, Свердловск, 1962; е е ж е, Черепа раннего средневековья с р. Вятки, «Вопросы археологии Урала», вып. 5, 1963. См. также: Б. П. Алексеев, Палеоантропологический материал из Мари-Луговского могильника, «Труды Марийской археологической экспедиции», т. I, Йошкар-Ола, 1962. В этой работе приведены библиография и данные по некоторым средневековым финским могильникам с пересчетами.

²⁷ Р. Я. Денисова, Антропологический тип ливов, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXII, М., 1956.

что именно поэтому монголоидная примесь, предположительно увязываемая с финским этническим компонентом, заметна в этом могильнике, тогда как она не фиксируется в средневековых латгальских могильниках, датируемых более поздним временем.

Любое из двух высказанных предположений вполне удовлетворительно объясняет отличие латгалов XVIII в. от их средневековых предков в отношении концентрации монголоидных особенностей. Какое из них ближе к истине и нет ли какой-нибудь иной возможности объяснить это различие — покажет будущее.

III

Материал, суммированный в таблице 2, дает нам возможность подойти к рассмотрению еще одной проблемы — проблемы временных изменений признаков на территории Латвии. Проблема эта, как она рисуется нам по современным исследованиям, распадается на несколько более частных вопросов — грацилизации, брахицефализации или, наоборот, долихоцефализации, увеличения длины тела, ускорения полового созревания, увеличения скорости роста и т. д. На краниологическом материале могут быть рассмотрены только первые два из перечисленных вопросов.

Что касается грацилизации, то она получила отчетливое доказательство на обширных палеоантропологических материалах с территории СССР²⁸. Явление грацилизации может быть отмечено также и на других территориях: в пределах ареала европеоидов в Западной Европе²⁹, Северной Африке³⁰, Передней Азии³¹, в пределах ареала монголоидов — в Японии³². Темпы и масштабы этого явления различны, но еще никем не исследованы сколько-нибудь подробно на всем имеющемся палеоантропологическом материале. Различны и причины, объясняющие в разных гипотезах его возникновение. Ясно только, что грацилизация падает преимущественно на ранние эпохи развития человечества.

По-видимому, в связи с сравнительно поздней датировкой находящихся в нашем распоряжении серий трудно заметить какие-либо существенные изменения в признаках, отражающих величину и массивность черепа, на территории Латвии. Можно назвать шесть таких признаков: длину, ширину и высоту черепной коробки, наименьшую ширину лба, развитие надбровья и скуловую ширину. Длина и ширина черепной коробки меняются в процессе брахицефализации, к рассмотрению которого мы перейдем позже и который как раз имел место в рассматриваемые эпохи на территории Латвии. Поэтому они должны быть исключены из рассмотрения. Должны быть исключены из рассмотрения и развитие надбровья, так как определяется оно описательно, и определения разных авторов не вполне сравнимы, а иногда и совсем несравнимы между собой. В частности, у меня нет никакого доверия к цифре средней вели-

²⁸ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР; его же, О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида, «Сов. этнография», 1961, № 2.

²⁹ Г. Ф. Дебеч, О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида.

³⁰ I. Schwidetzky, Das Graclisierungsproblem, «Homo», B. 13, 1962, H. 3.

³¹ G. Kurth, Vorbericht über anthropologische Beobachtungen bei der Jerichograbung, 1955, «Homo», B. 6, 1955, H. 4; его же, Überlegungen zu den zoogeographischen Klimaregeln, «Forschung und Fortschritte», B. 30, 1956.

³² Специальному анализу временной динамики антропологических признаков на территории Японии посвящена работа: H. Suzuki, Changes in the skull features of the Japanese people from ancient to modern times. Selected papers of the fifth International congress of anthropological and ethnological sciences, Philadelphia, 1956.

чины развития надбровья, приведенной Я. Лицисом для серии V—VII вв. из Добельского и Элеяского районов. Остаются, следовательно, три признака, вариации которых приведены на графиках отдельно для западных и восточных районов (рис. 1—3). В качестве наиболее ранней серии

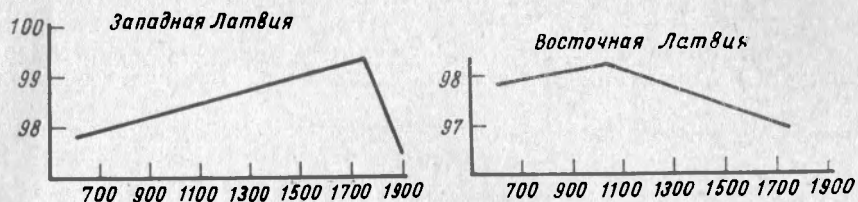

Рис. 1. Временные изменения наименьшей ширины лба

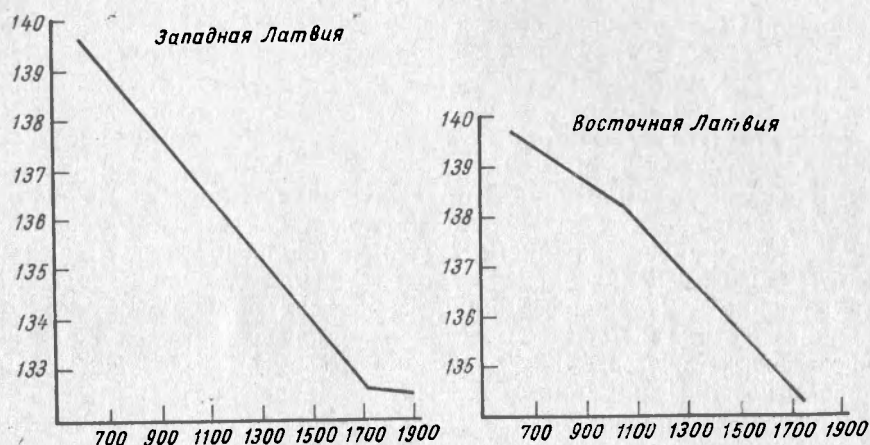

Рис. 2. Временные изменения высоты черепной коробки

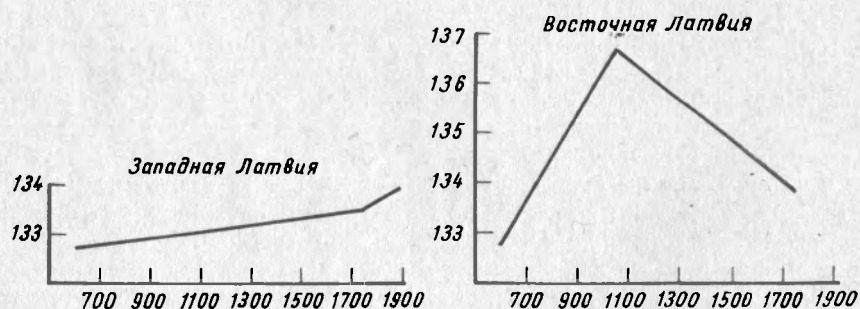

Рис. 3. Временные изменения скуловой ширины

и в том и в другом случае за неизменением других материалов фигурируют черепа из земгальских могильников V—VII вв. На горизонтальной шкале — время, на вертикальной — изменения признака.

Из трех рассмотренных признаков только один — высота черепа — обнаруживает закономерные вариации, постепенно уменьшаясь по мере приближения к современности. По-видимому, основное уменьшение этого размера падает на второе тысячелетие, потому что в восточной Латвии откуда мы имеем серии, относящиеся к первым векам, он

продолжает сохраняться до XI—XII вв. на определенном уровне, характерном для земгальских черепов V—VII вв. Зато наименьшая ширина лба, сначала возрастая, затем падает до величины, ниже первоначальной, а скуловая ширина изменяется вообще мало, хотя нужно отметить, что в поздних сериях она все же несколько выше, чем в серии V—VII вв. Таким образом, ни о каком закономерном уменьшении массивности и величины черепа говорить не приходится, так как закономерное уменьшение одного признака не означает еще грацилизации в целом, а другие признаки не обнаруживают отчетливых вариаций.

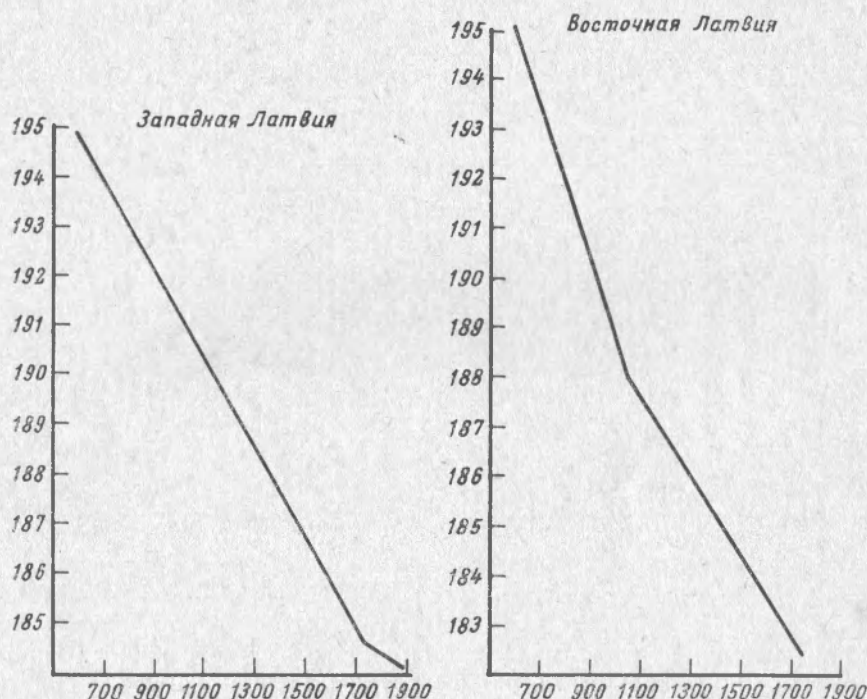

Рис. 4. Временные изменения длины черепной коробки

Иначе обстоит дело с изменениями формы черепной коробки. Вариации отражающих ее признаков представлены на графиках также отдельно для западных и восточных районов (рис. 4—6). Как и при рассмотрении размеров черепной коробки и лицевого скелета, за наиболее ранние взяты данные по черепам V—VII вв. из центральных районов Латвии.

В отличие от наименьшей ширины лба и скуловой ширины, горизонтальные размеры черепной коробки и их соотношение, выражаемое черепным указателем, изменяются закономерно и согласованно: продольный диаметр черепной коробки постепенно уменьшается, поперечный диаметр постепенно увеличивается, также постепенно увеличивается и черепный указатель. Изменения эти охватывают как западные, так и восточные районы Латвии и таким образом являются для всей территории Латвии общим явлением, темп которого, насколько об этом можно судить сейчас, приблизительно одинаков и в западных, и в восточных группах латышского народа. Любопытно, что все три графика показывают нарастающую прогрессию изменений по мере приближения к современности, причем особенно четко это заметно в западной Латвии, где мы имеем две серии XVII—XVIII и XIX—XX вв. К сказанному можно еще добавить, что сопоставляя непосредственно только земгальские се-

рии V—VII вв. из Добельского и Элеяского районов и XVI—XVII вв., мы можем констатировать то же нарастание величины черепного указателя, примерно, на шесть единиц индекса (в противоположность этому при анализе явления грацилизации в Латвии следует учитывать увеличение наименьшей ширины лба и скуловой ширины на 4 мм в более поздней серии по сравнению с ранней). Одним словом, процесс брахикефализации в Латвии, действовавший достаточно интенсивно на протяжении полутора последних тысячелетий, продолжает действовать в настоящее время и, по-видимому, интенсивность его постепенно усиливается.

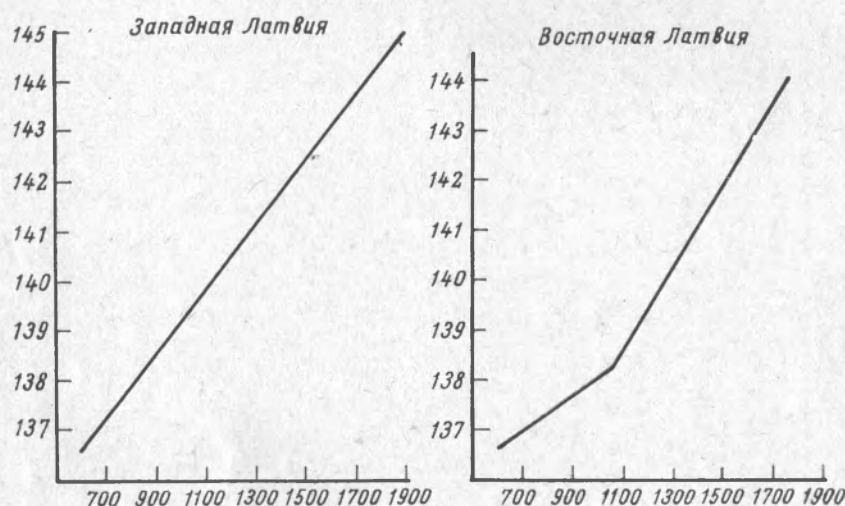

Рис. 5. Временные изменения ширины черепной коробки

Каковы причины этого явления? Предложено много разных гипотез, которые можно объединить в четыре группы. Первая группа — гипотезы прямого воздействия среды: брахикефализация происходит на базальтовых почвах³³, брахикефализация происходит в горных местностях³⁴ и т. д. С точки зрения этих гипотез трудно объяснить всеобщность процесса брахикефализации и тот несомненный факт, что она особенно интенсивно протекает на протяжении последних 1500—2000 лет. Вторая группа — генетические гипотезы; согласно им брахикефализация наступает в результате постепенного изменения генофонда популяции, в которой идет процесс брахикефализации. Примером генетического объяснения брахикефализации является гипотеза брахикефализации славянского населения в результате интенсификации смешений во втором тысячелетии и, как следствие, в замещении длинноголовых вариантов круглоголовыми³⁵. Однако в целом ряде случаев изменение формы черепной коробки происходит в таких группах, по отношению к которым нет видимых доказательств усиления смешения. Третья группа — ортогенетические гипотезы, примером каковых является известная гипотеза Ф. Вей-

³³ P. Vassal, Brachycéphalie, doire et terrain granitique, «Revue pathol., gen. et physiol. clinique», t. 57, 1957, № 688.

³⁴ J. Weninger, Über die Brachykephalie bei Kaukasus- und Balkanvölkern, «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», B. 44, 1952.

³⁵ B. Bunak, The craniological types of the East Slavic kurgans, «Anthropologie», t. X, Prague, 1932.

денрейха³⁶. Она неоднократно подвергалась критике и повторять эту критику здесь нет необходимости³⁷. Нужно отметить только, что помимо неприемлемых теоретических предпосылок, ортогенетические гипотезы и фактически несостоятельны — как объяснить с их помощью факты долихокефализации? Наконец, четвертая и последняя группа — гипотезы, которые можно назвать морфофизиологическими и которые объясняют изменения формы черепной коробки сдвигами в скорости роста, т. е. как частный случай ускорения (брахицефализация) или замедления (долихоцефализация) роста³⁸. Такие гипотезы наиболее универсальны, так

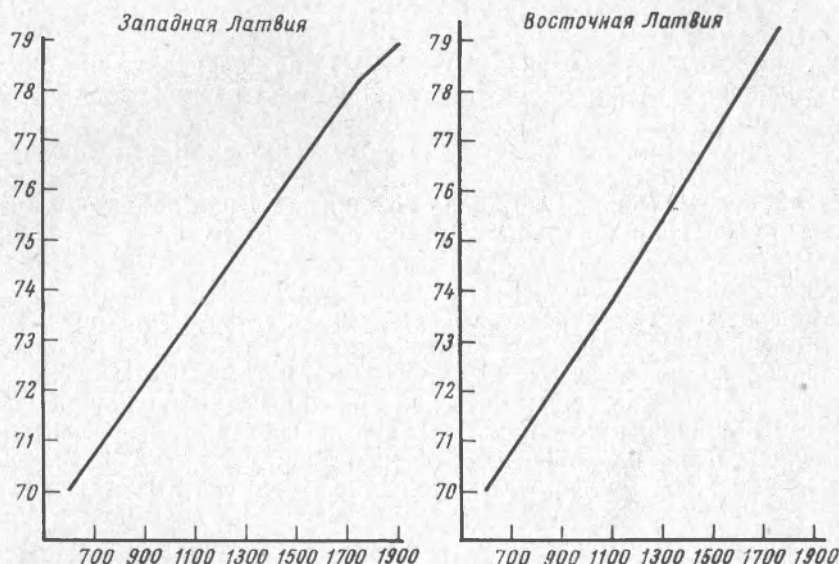

Рис. 6. Временные изменения черепного указателя

как они могут объяснить противоположные по направлению изменения черепной коробки. Их можно назвать также гипотезами косвенного влияния среды на изменения формы черепной коробки, так как среда воздействует на эти изменения через сдвиги в процессах роста.

Есть ли какие-нибудь основания полагать, что брахицефализация на территории Латвии представляет собою следствие ускорения роста и, в частности, ускорения полового созревания за последние столетия? Нам неизвестны такие данные по населению Латвии. Но вообще ускорение полового созревания за последние десятилетия, когда этот вопрос стал практически пристально изучаться, — широко распро-

³⁶ F. Weidenreich, The brachycephalization of modern mankind, «Southwestern Journal of anthropology», vol. 1, 1945. Перепечатано: «Anthropological papers of Franz Weidenreich (1939—1948). A memorial volume», New York, 1949.

³⁷ См., например: М. Ф. Нестурх, Ископаемые гигантские антропоиды Азии и ортогенетическая гипотеза антропогенеза Вейденрейха, «Уч. записки МГУ», вып. 166, 1954. Критику ортогенеза в целом см.: Л. Ш. Давиташвили, История эволюционной палеоантропологии от Дарвина до наших дней, М.—Л., 1948; его же, Очерки по истории учения об эволюционном прогрессе, М., 1956.

³⁸ См. В. В. Буняк, Структурные изменения черепа в процессе брахицефализации, «Труды V Всесоюзного съезда анатомов, гистологов и эмбриологов», Л., 1951; его же, Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XLIX, М., 1959.

страненное явление как на территории Европейской части СССР, так и во многих странах Западной Европы³⁹. Может быть, этот процесс начался значительно раньше, чем в конце прошлого — начале нашего века, но только с этого времени попал в орбиту внимания специалистов. Это объяснило бы усиление брахицефализации в Латвии на протяжении последних двух столетий, тем более, что нет ни малейших оснований исключать заранее территорию Латвии из той зоны, где ускорение роста и полового созревания прослеживается достаточно отчетливо.

ВЫВОДЫ

1. Краниологическая серия XVII—XVIII вв., полученная при раскопках могильника в западной Латвии, отличается от синхронной серии из восточной Латвии по комплексу признаков, включающему все основные дифференцирующие особенности монголоидного и европеоидного стволов.

2. В составе населения западной Латвии нет монголоидной примеси, в составе населения восточной Латвии есть небольшая монголоидная примесь.

3. Основной европеоидный компонент антропологического типа латышей восходит к неолитическому населению культуры шнуровой керамики и боевых топоров.

4. Наиболее вероятная гипотеза сводится к тому, что монголоидная примесь в составе восточных латышей обязана своим появлением генетическому влиянию, оказанному на их этногенез неолитическим населением культуры ямочно-гребенчатой керамики.

5. Невозможность уловить монголоидную примесь в составе средневекового населения восточной Латвии объясняется обычаем трупосожжения среди той его части, которая характеризовалась монголоидной примесью.

6. Сопоставление краниологических данных по современному населению с палеоантропологическими сериями показывает, что, во всяком случае, на протяжении последних 1500 лет процесс грацилизации не имел места на территории Латвии.

7. То же сопоставление свидетельствует, наоборот, об интенсивно идущем на протяжении полутора тысяч лет процессе брахицефализации в Латвии.

8. Весьма вероятно, что брахицефализация в Латвии является побочным результатом сдвигов в скорости роста и ускорения полового созревания.

SUMMARY

The analysis of a craniological series of 17—18. centuries, excavated on a burial ground in the Western Latvia, provides a basis for the following conclusions:

1) The craniological series from the Western Latvia differs with a synchronous series from the Eastern Latvia in a complex of features including all main differentiating characteristics of the Mongoloid and Europeoid racial stocks.

2) There is no mongoloid admixture in the population of the Western Latvia; in the population of the Eastern Latvia there is such a slight admixture.

³⁹ Литературу см.: В. С. Соловьева, Материалы по половому созреванию подростков Саратова, «Вопросы антропологии», вып. 11, 1962; ее же, Материалы по половому созреванию школьников и студентов Москвы, «Вопросы антропологии», вып. 17, 1964.

3) The main Europeoid component in the physical type of Latvians goes back to the neolithic population of cord pottery and warriors'ax culture.

4) The most probable hypothesis consist in an admission that the mongoloid admixture in the genesis of the Eastern Latvians is due to a genetic influence caused by the neolithic population of pit- and -comb pottery culture.

5) The impossibility to trace a mongoloid admixture in the medieval population of the Eastern Latvia may be explained by the fact, that a custom of cremation was prevalent in that very part of it, which was characterized by a mongoloid admixture.

6) A comparison of modern craniological data with some paleoanthropological series proves that at least during last millenium and a half the process of gracilization was absent on the territory of Latvia.

7) On the contrary, the same comparison evidences an intensive process of brachycephalisation in Latvia during the same period.

8) It is quite probable that the brachycephalisation in Latvia is a result of shifts in terms of growth and acceleration of pubescense.